Текст · 23 октября 2019, 11:11
Алла Константинова,

Глаза и уши колонии. Иван Савельев и выстроенная им в карельской ИК-9 система управления

Пытки, доносы, слуги-заключенные, унижение подчиненных и покровительство вышестоящих начальников. Алла Константинова продолжает исследовать жизнь ИК-9 в Петрозаводске и порядки, которые завели там ее глава Иван Савельев и его предшественники.

«Я шел к этой должности много лет. Я закончил школу с медалью, я закончил вуз, имею спортивный разряд, в том году я получил управленческое образование, я являюсь соискателем Академии ФСИН. И в свои годы я управляю тысячной армией… да, пусть осужденных», — говорит о себе Иван Савельев, начальник исправительной колонии №9 в Петрозаводске.

32летний Савельев служит в системе ФСИН всю жизнь и сделал стремительную карьеру, став в начале 2019 года руководителем одной из главных колоний Карелии. Он ездит на белом мотоцикле *Yamaha*, смотрит на подчиненных свысока и все вопросы с заключенными привык решать силой. Сотрудники ФСИН, активисты и обычные зеки рассказали «Медиазоне», какими методами Савельев управляет своей «армией».

Смерть Рахматова. «Они били, пока я мог стоять»

«Вечером открылась дверь санчасти: начальник Иван Савельев, Иван Ковалев и Андрей Машкин занесли полумертвого [заключенного] Рахматджона Рахматова. Пытались его усадить, но он терял сознание. Рахматов невысокий, с татуировкой полумесяца на груди, был в робе ШИЗО. Когда ее с него сняли, я обомлел: никогда не видел столько синяков на человеке! У него все тело от живота до ступней было синее».

Так о событиях ноября 2013 года рассказывает бывший осужденный Олег Денисов (имя изменено), который в ИК9 исполнял обязанности санитара. Савельев тогда был заместителем начальника колонии Николая Гавриленко, Ковалев и Машкин — находившимися у него в подчинении оперативниками. По словам Денисова, санчасть колонии использовалась обычно не для лечения, а для того, чтобы прятать там «проблемных» или избитых осужденных. О жестоком избиении и гибели Рахматова уже рассказывал сидевший с ним в одной камере Сергей Тарасов.

«Помню, как Савельев тогда созванивался с начальницей санчасти Ларисой Борзаковской, — продолжает Денисов. — Как я понял, они решали, как Рахматова быстрее транспортировать в больницу города Медвежьегорска при ИК9, чтобы не умер в колонии. Я сидел рядом с койкой. Рахматову поставили капельницу, он пришел в сознание. "Я дурак, — успел сказать он мне. — Они били меня, пока я мог стоять"».

Денисов вспоминает, что избитого погрузили в «Газель» ФСИН и увезли в тюремную больницу в Медвежьегорске. Через шесть дней он узнал, что Рахматов скончался. Официально причиной смерти назвали оторвавшийся тромб.

«Тогда я понял, что мы вообще не защищены, — горько усмехается Денисов. — Могут избить, а потом сказать, что на солнышке перегрелся».

Избиения и доносы. «Ты же понимаешь, за что страдал?»

Бьют в «девятке» обычно в штрафном изоляторе (ШИЗО) и помещениях камерного типа (ПКТ), вспоминает Максим Матвеев, отбывавший наказание в колонии с 2009 по 2017 год. Бьют чаще всего, рассказывает он и другие бывшие заключенные, в душевой, коридорах, прогулочных двориках рядом со зданием и в медкабинете — вероятно, именно там снято видео, на котором Иван Савельев и его нынешний заместитель Иван Ковалев еще в 2014 году избивают заключенного. Когда бьют, громко включают ритмичную музыку.

«В избиениях все сотрудники задействованы, в пересменку это больше десяти человек, — вспоминает Олег Абрамов, как и Матвеев, освободившийся из колонии в 2017 году. — После отсидки я уехал в деревню и жил там в одиночестве три года, потому что знал, что, с моим характером, могу чтонибудь с ними сделать. Это даже не желание мести, нет. У меня просто обостренное чувство справедливости».

Максим Матвеев поначалу был на хорошем счету у администрации колонии, старался с ней сотрудничать и стал активистом:

«Тогда Иван Савельев работал еще простым начальником отряда. Потом его стали повышать: стал сначала опером, затем начальником оперотдела, после, в 2014 году — заместителем по БиОР-[1]. В "девятке" я был активистом, работал на администрацию, причем довольно успешно. Сидел в пожарной будке, что стоит напротив входа на территорию. Но пожарным дружинником я считался только официально, на деле такие, как я — это глаза и уши колонии. Я встречал начальство, сообщал им последние новости об осужденных, которые мне сливали "козлы"[2]. Если приходили проверяющие — о каждом их шаге доносил по телефону. Когда приходили прокуроры, я уводил некоторых заключенных из ШИЗО в санчасть, там старший санитар их прятал».

С Савельевым, по словам экзаключенного, у него несколько лет были приятельские отношения: «Когда у меня сын родился, Савельев даже пронес мне в колонию алкоголь, чтобы я отметил. Мог я и по два раза в месяц на длительные свидания ходить: покупал их за 9 тысяч рублей, или супруга чтонибудь привозила в колонию, например, 20 метров ламината. Но в 2014 году Савельев захотел, чтобы я ему стучал на осужденных в СУСе[3]. А там тогда такие лютые сидели — однажды один другому в глаз ручку воткнул. Я отказался, побоялся, что будут мстить семье. И началось...».

По словам Матвеева, больше четырех месяцев, избивая каждый день, его продержали в ШИЗО за выдуманные нарушения. Обычно два раза подряд давали 15 суток — формально это максимальный срок в ШИЗО — затем 5 или 7 суток, а после этого цикл начинался заново.

«Так я четыре месяца там пробултыхался, — вспоминает Матвеев. — Даже то, что меня застраховала супруга, не сработало: Савельев сказал, что мне страховка не поможет. Это были настоящие страдания. В первый раз они вытащили меня в душевую и избили шлангом. Тогдашний начальник отдела по безопасности Сергей Ступов меня держал, Иван Ковалев бил шлангом, Савельев по ногам прыгал. Спустя несколько месяцев к избиениям присоединились другие опера — Шаляпин, Кошелев, Федотов. Меня могли раздеть и голого на мороз выкинуть. Ну, растяжки там, само собой... На пятый месяц ШИЗО они мне порвали паховое кольцо — переборщили. В эпикризе врачи тюремной больницы при выписке написали, что у меня была язва желудка. А у меня ее не было и нет».

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Через три года, за пару недель до освобождения, говорит Матвеев, Савельев объявил, что «простил» его. «Только я вышел из санчасти, он меня вызвал к себе, даже сесть предложил, — улыбается Матвеев. — Сказал мне, что я нормальный парень. Но, говорит:

"Ты же понимаешь, за что ты страдал? Давай, оклемывайся, скоро тебе на свободу. Будешь язык за зубами держать — все у тебя будет хорошо"».

Заключенный вспоминает, как напоследок пообещал, что молчать не будет. Он говорит, что сейчас готов дать свидетельские показания против начальника ИК-9 и его подчиненных: «Это моя мечта — рассказать все при Савельеве, сидеть напротив, смотреть в глаза и тыкать в него пальцем».

Освободившийся в 2015 году Александр Мойлонен тоже уверяет, что не боится «ни Савельева, ни Ковалева» и, если потребуется, готов выступать в суде: «Они мне обе почки отбили, я изза них три раза ссался кровью».

«Самое жесткое — раздевают догола, бьют палкой между ног, говорят: "Сейчас пойдешь к обиженным, если стучать не будешь". Савельев диктовал, что делать, просто пальцем указывал: "Давайте, поработайте". Он всем руководит. Ему нравится бить, ему нравится уничтожать», — находившийся в ИК9 с 2014 по 2016 годы Илья Круглов вспоминает, как над ним там издевались.

Он курит одну сигарету за другой и признается, что ему тяжело об этом вспоминать: «У меня сейчас слезы на глазах, честно... Я профессиональный спортсмен, занимался борьбой, участвовал в соревнованиях, ломал руки... Но я никогда не испытывал такой боли, как в этой колонии. Я по четыре раза терял сознание — от того, что бьют, рвут, топят. Вчетвером тебя зажимают и опускают в таз с холодной водой. А потом ты целый день в камере зимой без отопления

в робе мокрой... То, что попало в интернет — это лишь процента три от того, что делают там с заключенными».

Активисты. «К Савельеву приходишь, как на прием к богу»

Артем Солдатов (имя изменено) — еще один активист, работавший дневальным в «девятке» с 2015 года. Дневальный должен «следить за массой», то есть заключенными в отряде, контролировать состояние их личных вещей, проверять тумбочки и постели, делать замечания насчет внешнего вида, подслушивать разговоры и обо всех нарушениях сообщает старшему активисту в отряде — завхозу.

Солдатов говорит, что стучать друг на друга заключенных вынуждает сама система, выстроенная в колонии: «В каждом отряде от 8 до 15 активистов, плюс один завхоз и "ночник", официальную ставку получает только последний. Когда приезжают проверяющие, активисты "растворяются", их как бы нет. Я, будучи дневальным, тоже доносил на людей. Делал замечания за расстегнутую пуговицу, за крошки в личных вещах, за пыль на тумбочке — осужденным практически нереально учесть все, поэтому попадаются все».

С Иваном Савельевым у него были хорошие отношения — свою работу активист выполнял качественно. Но все равно чувствовал себя неуютно, разговаривая с начальником: «К Савельеву приходишь, как на прием к богу. Он знал все про

каждого своего заключенного. И его, и Ковалева боятся».

По его словам, раз в неделю Савельев собирает «планерку», на которой принимает всех завхозов отрядов и бригадиров промзоны. «При этом в каждом отряде — разные правила. Отряд 4Б считается самым жестким, а 9й отряд — с облегченными условиями, такой контраст. Мне Савельев лично говорил, что это придуманная им "система контраста режимных отрядов"», — отмечает Солдатов.

Другой активист, Павел Петров (имя изменено), два года проработал с Савельевым, когда тот был еще замначальника колонии по безопасности и оперативной работе. «При мне постоянно велись разговоры про поощрения для осужденных, — говорит он. — Купить дополнительно длительное свидание — 15 тысяч, обычная благодарность — 5 тысяч».

Любимчиков начальства среди осужденных вычислить несложно, говорит Петров; например, нарядчик — это правая рука начальника колонии, этот заключенный выполняет все поручения и прислуживает ему. Заключенные иногда называют нарядчика «внештатным начальником» колонии: он знает об обстановке во всех отрядах, контролирует работу на промзоне, к нему стекаются доносы на осужденных, он дает отмашку на решение бытовых проблем — например, починить текущий кран в отряде. Ежедневно делает доклады начальнику — Ивану Савельеву.

Вслед за ним в иерархии активистов, продолжает Петров, идут старший бригадир промзоны —

он контролирует расход материалов, выпуск продукции, работающих там осужденных — и пожарный дружинник, который следит за входом на территорию колонии, выполняет поручения начальника, собирает слухи, прячет избитых или проблемных осужденных от проверяющих. Старательных активистов не бьют. Все они следят за осужденными, сотрудниками, друг за другом.

Через них же, говорит бывший активист, организована и покупка необходимых для УДО поощрений от администрации: «Осужденный, который хочет купить поощрение, звонит родственникам, те переводят деньги на карту. В то время переводили на карту жены нарядчика Никитина, а уже его супруга покупала на эти деньги чтото для колонии: телевизор, холодильник и так далее».

«Я висел, как окорочок». Заключенные колонии в Петрозаводске рассказывают о пытках и начальнике, которому «нравится бить людей»

Павел Петров, чувствуя свое превосходство над другими осужденными, порой тоже вел себя жестко: «Я не скрываю, разговаривал я с ними грубо. Если Савельев сказал лещей надавать — хорошо, но несильно. Или конем поставить — это когда осужденного прислоняют к стене, прижимая к ней его колени и голову. Но избивать ногами — это они (сотрудники колонии — МЗ) уже сами, толпой».

О всех проверках было известно заранее, усмехается активист, накануне он получал указания от Савельева: «Чтобы в колонии никого не было».

«Допустим, мы знаем, что в 11 утра приедет прокурор по надзору, — объясняет он. — Я перекрываю все движение: все сидят в отрядах, никто никуда не ходит. В итоге прокурор идет по колонии и никого не видит. Заходит ли в отряды? Я не помню даже такого. Ну потому что вот такие там прокуроры! В итоге прокурор садится в штаб и говорит: "Давайте мне осужденного на прием". Я иду к завхозу, он дает мне обученных заключенных. В итоге к прокурору идут те, в ком мы уверены — лишних вопросов они не зададут. В итоге один спрашивает: "А чего цены такие высокие в магазине?", а второй интересуется, не вышли ли поправки в Уголовный кодекс. Всякую чушь несут».

Жалобы осужденных на режим содержания, по словам Павла, никогда не выходят за пределы колонии: «Активисты всегда смотрят, что ты пишешь. Даже если не покажешь — они все равно проследят, куда ты дел этот конверт. Потом доносят об этом Савельеву.

В итоге письмо изымается, а человека ведут в ШИЗО или СУС — якобы за грубость к администрации».

Баня на Урозере и слуги-зеки

Бывший осужденный Сергей Симаков (имя изменено) говорит, что в 2017 году отбывал наказание в колониипоселении при ИК9, а после освобождения предпочел уехать из России. Он рассказывает об «уфсиновской даче» на берегу Урозера, куда заключенных привозили прислуживать офицерам ФСИН.

«Там у них дом такой, сайдингом обшитый, и баня на берегу: на первом этаже комната отдыха, на втором — две комнаты с телевизором, диваном, кроватью. Плюс беседка, мангальная, плавающий понтон сделан. Каждые выходные и летом, и зимой там фуршеты. Летом так вообще через день. Обычно приезжают с нашего управления: тот же Терех, Гавриленко[4], Андрей Селявко[5], сам Савельев там с семьей отдыхает».

Приезжают на Урозеро, по словам бывшего осужденного, и руководители ФСИН из Москвы, одного из которых он видел лично: «Нам сказали, что это замначальника московского управления. Это было 31 декабря 2017 года. До их приезда нам нужно было протопить, подготовить для проживания дом. Еду заранее готовили в колониипоселении и привозили на дачу. После нас вызывали на уборку: намывали все, выносили кучи бутылок из бани, белье отвозили в прачечную. В колониипоселении тоже

есть сауна. Бывало, в три часа ночи нас будили и отправляли ее топить».

На втором этаже бани раньше стоял бильярдный стол, говорит бывший сотрудник ФСИН Николай Тимин (имя изменено). «Строили осужденные ИК-9, строительный материал также был из резервов колонии», — рассказывает он. По словам Тимина, на баланс «девятки» баня тогда не ставилась.

Описанные бывшими заключенным и сотрудником ФСИН строения находятся на живописном берегу озера возле поселка Чална в двадцати километрах от Петрозаводска. Ближе всего к предполагаемой даче УФСИН расположена турбаза «Урозеро» — если от ее ворот свернуть направо и проехать меньше километра, за поворотом покажется одноэтажное, обшитое бледно-желтым сайдингом здание. На окнах жалюзи, территория не огорожена, перед зданием пустырь, напоминающий парковку.

Метрах в ста от него утопает в соснах на берегу бревенчатая баня с жилой пристройкой. Неподалеку от бани стоят две беседки и мангал под навесом, к воде спускается длинная лестница. Забора нет, к бане можно пройти по берегу. К сосне у лестницы прибита табличка: «Федеральная собственность, вход на территорию запрещен!».

Чална и окрестности относятся к Пряжинскому району Карелии. В районной администрации вопрос корреспондента «Медиазоны» о здании, которым, возможно, пользуется карельский УФСИН, не вызвал удивления — сотрудница сразу поняла, о чем речь: «Так оформили ее уже? Ну, это баня, да». По

словам сотрудницы, в этом году администрация получила письмо из министерства имущественных и земельных отношений, которое касалось оформления прав на этот участок. Закончено ли уже оформление документов, она не знает.

На публичной кадастровой карте ни участок, на котором, по словам экзаключенного, находится баня УФСИН, ни само здание никак не отмечены. Но участок со вторым зданием, которое заключенный тоже назвал частью «уфсиновской дачи», в кадастре есть.

В полученной «Медиазоной» выписке из Росреестра сказано, что эта земля может использоваться «для содержания и эксплуатации здания базы отдыха». Собственником участка значится Российская Федерация, в ноябре 2008 года он был был передан в бессрочное пользование ФКУ «Исправительная колония №9» ФСИН по республике Карелия.

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Производство в ИК-9. «Странно, даже здесь воруют»

«Девятка» — один из лидеров по производству среди всех карельских колоний. Заключенные ИК9 делают изделия из дерева и металла, светильники и сувенирную продукцию, пекут хлеб, работают на обработке камня и ремонтируют автотранспорт. В

2017 году колония заработала 56 миллионов рублей — это почти треть годового дохода всех исправительных учреждений республики (за первое полугодие 2019го весь УФСИН Карелии заработал 86 млн рублей).

За последние восемь лет колония стала поставщиком в 268 государственных контрактах почти на 134 млн рублей. Чаще всего она подписывала их с УФСИН Карелии — 141 госконтракт на 66 млн рублей. Один из последних договоров между ними был заключен на ремонт кровли над помещением ШИЗО и ПКТ в ИК9 — за него колония должна была получить от республиканского управления 1,7 млн рублей.

Находившийся в это время в изоляторе дагестанский эксдепутат Магомед Магомедов подал в суд иск о нарушениях при ремонте, протечках новой крыши и появившейся в камерах плесени. Петрозаводский городской суд встал на его сторону (копия решения есть распоряжении редакции).

На втором месте в списке заказчиков — Центр хозяйственного обеспечения МВД Карелии: заключенные изготавливают для него металлические решетки и решетчатые блоки, поставляют хлебобулочные изделия. В детские сады Петрозаводска завозят постельное белье и мебель, произведенные в колонии. Карельскому автовокзалу в ИК9 ремонтируют автобусы.

Руководство колонии говорит, что средняя зарплата заключенных — шесть тысяч рублей. Сами осужденные смеются: гораздо меньше. «Когда я работал на "швейке", в лучшие месяцы получал

тысячу с небольшим рублей», — говорит сидевший в ИК-9 Роман Мельников.

В распоряжении «Медиазоны» есть расчетный лист слесаря автосервиса, в котором указано, что за 118 рабочих часов ему начислили 4200 рублей, большую часть из них вычли за питание и другие услуги, так что в итоге заключенный получил только 1050 рублей.

Работавший с 2015 по 2018 год закройщиком швейного цеха Роман Мельников уверен: на промзоне воруют, и начальство об этом знает.

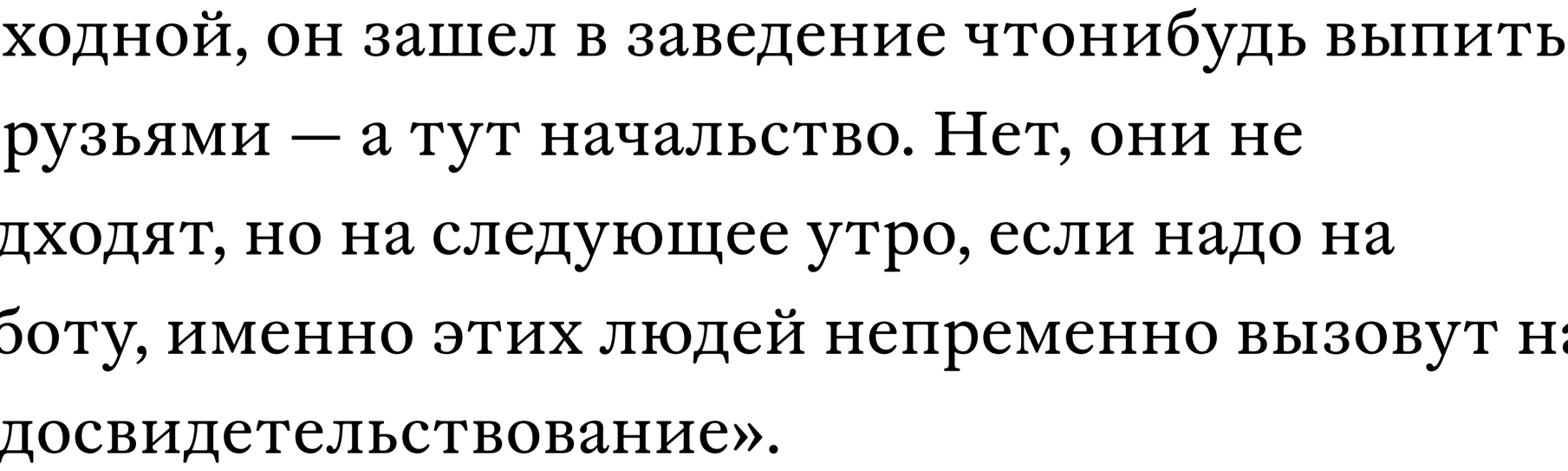
«Воруют у поставщиков, — говорит он. — Например, приезжает партия материала — 20 рулонов. Сразу рулон берут и откладывают в сторону. Помню, в 2017 году приезжала женщинапредприниматель из Петербурга вместе со своим технологом. Они пытались выяснить, куда пропали 50 метров дорогого белого кожзама. Ей отвечают: "Не знаем, все пошили". Она сумки какието и мягкие кресламешки продавала. А мы этим кожзамом, помню, просто обтянули кому - то из руководства диван. У бывшего начальника колонии [Николая] Гавриленко делали обшивку дверей в машине — такой материал с узором географической карты, помню, был».

В занимавшемся ремонтом автомобилей цехе, по его словам, тоже воровали. «Рассказывали, что однажды мастер, — Мельников поясняет, что мастерами в колонии работают свободные люди, а не зеки, — привез арматуру, а осужденные из ее части сварили решетку. Он тогда, как мне рассказывали, удивлялся: "Странно, даже здесь воруют"».

Подчиненные. «Все понимают, что у Савельева связи, боятся»

От методов руководителя ИК9 страдали не только осужденные, но и сотрудники колонии, говорит бывший активист Павел Петров: «Зеки у Савельева были все "пидарасы", отношение к ним, как к ничтожествам. Но, став замначальника по БиОр, он начал под себя подминать все, благо должность позволяла. Будучи капитаном, мог отчитать майора. Опоздал на две минуты, забыл чтото сделать — он сотрудника премии лишал. Давал мне поручения следить за некоторыми: с кем общаются, что делают, где ходят. Целенаправленно долбил, а в итоге увольнял».

«У Савельева и его зама Ковалева есть привычка ездить по барам Петрозаводска, выслеживать своих подчиненных, — рассказывает родственница одного из бывших сотрудников, попросившая не называть свою фамилию. — Представьте: у человека законный выходной, он зашел в заведение чтонибудь выпить с друзьями — а тут начальство. Нет, они не подходят, но на следующее утро, если надо на работу, именно этих людей непременно вызовут на медосвидетельствование».

Деревенщина, «хозяин», садист. За что не судят Сергея Коссиева — начальника карельской ИК-7, которая прославилась благодаря Ильдару Дадину

Подчиненные Ивана Савельева — как бывшие, так и еще не уволившиеся — крайне неохотно рассказывают о нем. По словам коллег, сотрудники ИК9 стремятся дослужить до пенсии и поскорее уйти оттуда.

«Поверьте, сотрудники тоже недовольны тем, что происходит в колонии, — рассказывает бывший работник ИК9, просивший не называть его имени. — Савельев наказывает людей деньгами, после смены заставляет еще чтото делать в нерабочее время.
У них там огромный недобор по штату. Но все понимают, что у Савельева связи, боятся: у всех семьи, свои проблемы, никто не полезет чтото говорить. И события последних лет, когда люди погибали, а все это списывалось на младших инспекторов... Человек продолжает работать — и это не просто так. Не стал бы он просто так начальником в 30 лет, какие медальки[6]?».

После гибели Рахматджона Рахматова за его избиение был осужден младший инспектор Александр Антонюк — по версии следствия, это он нанес заключенному пять ударов дубинкой, а другие сотрудники, в том числе Иван Савельев, участия в избиении не принимали. При этом следствие не нашло связи между избиением и смертью Рахматова, суд приговорил Антонюка к 3 годам условно. «Я на сто процентов уверен, что его не было там, он не

присутствовал даже [во время избиения Рахматова]», — говорит тот же бывший сотрудник ФСИН.

Александр Антонюк отказался разговаривать с «Медиазоной» о своей работе в ИК9 и об этом случае. Сейчас 30летний мужчина, по словам знакомых, работает в РЖД.

«У меня нет желания вспоминать это место, я бы предпочел забыть его, — говорит Антонюк. — Я не помню уже тех событий и хотелось бы все это забыть, а вы мне напоминаете об этом месте и людях».

На аватарке во «ВКонтакте» он улыбается и с руки кормит белочку. В списке любимых цитат всего одна фраза: «Самопожертвование — это, пожалуй, высшее человеческое качество».

Руководители. «Профдеформация от этой власти страшная»

Его бывший коллега Николай Тимин уверяет, что начальник УФСИН Карелии Александр Терех находится в хороших отношениях с начальником ИК - 9 Иваном Савельевым и его заместителем Иваном Ковалевым. На пост главы регионального управления ФСИН Терех был назначен в 2008 году, до этого он около года возглавлял ИК9 — впрочем, с Савельевым там они вряд ли пересекались, тот появился в «девятке» только в 2009м.

«Александр Терех, став начальником УФСИН Карелии, уволил всех старых начальников в управлении, — говорит Тимин. — Ему, видимо,

по приколу, когда его подчиненные — это мальчики типа Савельева. Он для них бог, другой биологический вид. [УФСИН Карелии] — это параллельно существующий мир. Там есть диктатор, и он может из грязи в князи любого поднять и любого вышвырнуть за пределы этого мира. Профдеформация от этой власти страшная».

Служившие во ФСИН анонимные собеседники издания *Karelia.news* тоже говорят, что Иван Савельев «к сотрудникам относился как к рабам и быдлу», общается с ними «всегда свысока, разговор ведет постоянно на повышенных тонах и с презрением». «Именно за это он и был на хорошем счету у руководства УФСИН. К сожалению, у нас наверху либо такие же, как Савельев, либо пристроенные родственники. Адекватных руководителей на пальцах одной руки можно пересчитать», — говорит один из собеседников издания.

«Карьеру Савельев сделал стремительную, — подтверждает его коллега. — С инспектора до начальника колонии за несколько лет. Многие годами сидят в ожидании повышения, только не этот. Руководство таких любит, потому что само такое. Нормальные офицеры там надолго не задерживаются».

Бывший заключенный Илья Круглов вспоминает, как зимой 2015го Иван Савельев и Александр Терех вдвоем зашли к нему в камеру ШИЗО. До этого, уверяет Круглов, его девять дней подряд жестоко избивали[7]; все это видели и медики колонии.

«Два моих глаза полностью затекли кровью, белков видно не было, — вспоминает Круглов. — Вечером приехал Терех с Савельевым. Терех задал мне вопрос: "Что это с тобой случилось, ты, наверное, нервничаешь много?". Я ему: "Да меня бьют девять суток уже, я в сознание прихожу только, когда меня в камеру мокрого заносят!". Терех ответил мне: "Да не выдумывай". И они ушли».

Заключенный Сергей Тарасов, чей рассказ уже публиковала «Медиазона», тоже вспоминал, как Александр Терех заходил к нему в камеру после пыток: «И сам Терех мне сказал: "Ну что, еще будешь писать и жаловаться? Так смотри, нам больше поверят" — и похлопал так себя по погонам».

Что происходит в ИК-9 после появления сообщений о пытках

После публикации сначала рассказа заключенных о пытках, а затем видеозаписи с избиением осужденного федеральное руководство ФСИН пообещало уволить Ивана Савельева и передать все материалы в Следственный комитет — сейчас он отстранен от работы. Исполняющим обязанности главы колонии временно назначен Валерий Огулов.

Официально Савельев находится в отпуске, который тратит, например, на то, чтобы вместе со своим верным заместителем Иваном Ковалевым следить за журналисткой «Медиазоны».

СК после появления видео возбудил уголовное дело о превышении должностных полномочий, однако обвинения по нему пока никому не предъявлены.

По словам Майи Мустафаевой, чей сын Меджид одним из первых рассказал о пытках в ИК-9, среди заключенных ходят слухи, что тех, кто жаловался и рассказывал о насилии, могут этапировать оттуда в другие колонии. Виктора Молодежникова, который представляет интересы пострадавших осужденных, начальник ИК-9 потребовал лишить статуса адвоката.

Редактор: Егор Сковорода

Обновлено 25 октября в 14:09. Добавлена информация о том, что, по данным Росреестра, баня на Урозере находится в бессрочном пользовании у ИК-9.

1. Замначальника колонии по безопасности и оперативной работе.
2. Другие заключенные из числа работающих на администрацию активистов.
3. Отряд со строгими условиями содержания, куда заключенные обычно попадают за систематическое нарушение порядка в колонии.
4. Бывший начальник ИК9 Николай Гавриленко, он возглавлял колонию с 2008 по 2018 год.
5. Замначальника отдела собственной безопасности УФСИН Карелии.
6. Речь о словах Ивана Савельева на прессконференции о том, что он «закончил школу с медалью» и долго шел к должности начальника колонии.
7. По словам заключенного, в избиениях принимали участие сотрудники колонии Иван Савельев, Иван Ковалев, Андрей Машкин и Сергей Ступов.